

- Семиотическое пространство религиозного дискурса
- Статус традиций в диалоге церкви и государства в эпоху Средневековья

УДК 130.2

Семиотическое пространство религиозного дискурса

О. В. Шубаро, кандидат философских наук, доцент*

В данной статье рассматриваются особенности религиозной коммуникации как совокупности дискурсивных практик, которые принимают участие в формировании представлений о религиозных объектах как неотъемлемых компонентах человеческого опыта в целом. Религиозный дискурс выступает в качестве особого типа институционального дискурса и представляет собой совокупность языковых форм и коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений. В этом смысле можно говорить о специфике религиозной коммуникации, в семиосфере которой формируется когнитивно-дискурсивная парадигма, отличающаяся тематическим, временным, пространственным единством. Ключевые слова: религиозный дискурс, сакральность, коммуникация, аутентичность, семиотическое пространство, вербальные / невербальные знаки, семиосфера.

Semiotic Space of Religious Discourse

O. Shubaro, PhD in Philosophy, Associate Professor

This article is devoted to peculiarities of the religious communication as a combination of discursive practices which take part in the formation of representations about religious objects as integral components of (general) human experience. Religious discourse is a special type of institutional discourse. This type of discourse represents a set of linguistic forms and communication actions or events, directed at the transfer, conservation and development of religious beliefs. In this sense, we can talk about the specifics of religious communication, in whose semiosphere formed the cognitive-discursive paradigm, characterized thematic, temporal and spatial unity.

Keywords: religious discourse, sacredness, communication, authenticity, semiotic space, verbal / nonverbal signs, semiosphere.

В современной философии термин «дискурс» означает коммуникативное событие, включенное в конкретный социокультурный контекст. Это особый способ мышления, нацеленный на коммуникативное действие, со своей прагматикой. Дискурс создается в определенном смысловом пространстве, в рамках которого он призван передавать установки, смыслы, а также конструировать схемы, модели, способствующие процессу коммуникации. По мнению нидерландского ученого Т. А. ван Дейка, «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или коммуникативного акта» [1, с. 121—122]. В коммуникативной философии подчеркивается интеракционная природа дискурса, что предполагает особое внимание к социальному контексту, в котором разворачивается дискурс. Социальный контекст

дает представление как об участниках коммуникации, так и о процессах производства и восприятия сообщений. В постмодернизме дискурс («дискурсивные практики», по выражению М. Фуко) рассматривается как «способ говорения». В этой ситуации в центре внимания оказывается не дискурс как таковой, а конкретные разновидности дискурса.

Поскольку под дискурсом понимается язык в «многомерном пространстве», погруженный в жизнь, в контекст, в определенную ситуацию общения, и поскольку язык дискурса организован в соответствии со структурами, присущими высказываниям в различных сферах социальной жизни, то логично предположить существование таких типов дискурса, как политический, научный, юридический, религиозный (конфессиональный) и др. Учитывая, что дискурс в широком смысле слова представляет собой «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов..., необходимых для понимания текста»

* Докторант кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

[2, с. 240], можно предположить, что религиозный дискурс представляет собой совокупность языковых форм и коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений. В этом смысле можно говорить о специфике религиозной коммуникации.

В данной статье будут описаны особенности религиозной коммуникации как совокупности дискурсивных практик, которые принимают участие в формировании представлений о религиозных объектах как неотъемлемых компонентах человеческого опыта в целом.

Особенностями религиозного дискурса являются его *‘сакральность’* и *‘фидеистичность’*. Эти характеристики религиозного мировоззрения задают систему координат в семиотическом пространстве религиозного дискурса, а также участвуют в процессе производства и воспроизводства данного типа дискурса. В религиозном дискурсе *‘сакральное’* (священное) — это предикат всех сущностей, которые являются объектом поклонения. Поэтому и религия представляет собой, по словам М. Элиаде, прежде всего «опыт священного»: «...мы можем использовать понятие „религия“, если будем помнить, что оно не обязательно предполагает веру в бога, богов или духов, но означает ОПЫТ СВЯЩЕННОГО и, следовательно, связано с идеями СУЩЕСТВОВАНИЯ, ЗНАЧЕНИЯ и ИСТИНЫ» [3, с. 45].

Опыт священного основан на вере. Все проявления веры в сверхъестественное называют фидеизмом (лат. *fides* — вера), а в крайней форме этому направлению философской мысли свойственна установка, согласно которой истина полностью дана в Откровении. В контексте религиозного дискурса вера — это дар встречи, когда божественный Разум (Логос) устанавливает в пространстве человеческого разума свой закон, которому человеческий разум должен следовать. Откровение, по словам М. Бубера, это «неизреченное подтверждение смысла» [4, с. 104]. Он полагал, что «человек, выходящий из сущностного акта чистого отношения, имеет в своем существе некое Еще, нечто приращенное, о котором он прежде не знал и происхождение которого он не может объяснить» [4, с. 103]. Это нечто — бремя Смысла, которое не облегчает человеку жизнь, а отягощает ее. И главное в Откровении — это осознание единства «Я—Ты», т. е. наличия подлинного и непосредственного взаимоотношения, при котором «вечное Ты» не может восприниматься как отчужденное «вещное Оно». В этой ситуации непосредственных отношений «Я—Ты» все опосредующее теряет значимость, а все разъединенное переходит в целостность. Высшей ценностью в семиотическом про-

странстве религиозного дискурса обладает сфера трансцендентного, поскольку в наличной действительности нет единства бытия: «Сильнейшая и глубочайшая действительность есть там, — писал М. Бубер, — где все входит в действие, весь человек целиком, без остатка, и всемогущий Бог — сплавленное воедино Я и безграничное Ты» [4, с. 87].

Одной из главных особенностей религиозного дискурса является его установка на *диалогичность*. В этом смысле субъект религиозного дискурса не имеет опыта подлинного одиночества. Глубоко верующий человек «не остается понастоящему один, ибо даже тогда, когда рядом с ним нет людей, его утешающий или грозящий Бог всегда рядом, и его присутствие дано как нечто до крайности насущное, конкретное, осязаемое, так что для холодной интеллектуальной отстраненности от всего сущего просто не остается места» [5, с. 213]. Религиозный дискурс формируется внутри непосредственно жизненного общения говорящего (Я) с Богом («вечным Ты»). Встреча с Богом, по словам М. Бубера, «дается человеку не ради того, чтобы он был занят только Богом, но ради того, чтобы он подтвердил смысл в мире. Всякое Откровение есть призвание и послание» [4, с. 107—108].

Семиотическое пространство религиозного дискурса формируется вербальными и невербальными знаками. К вербальным средствам коммуникации относится Священное Писание, жанры вербальной магии (заговор, заклинание, проклятие, благословение), молитва, проповедь, Символы веры и др. Разнообразие текстов зависит от мотивации и направленности общения. К невербальным средствам коммуникации относят мимику, жесты (например, крестное знамение), интонацию, поклоны, прикосновение, целование (икон, мощей), направленность взгляда, дистанцию, расположение в пространстве (например, в храме во время богослужения) и др.

В основе религий Писания находится фундаментальный текст, содержащий, с точки зрения религиозного сознания, абсолютную истину — Откровение, которое рассматривается как результат общения верующего с Абсолютом. Фиксация истин Откровения в тексте позволяет определить его в силу этого в качестве сакрального текста, который трактуется как «наделенная священным статусом знаковая система, заключающая в себе важнейшие религиозные смыслы» [6, с. 946]. Откровение задает особую логику развертывания повествования в сакральном тексте, что позволяет рассматривать подобный текст как исключительно полисемантическое образование (Библия как «литературная Вселенная»).

Поскольку религиозный дискурс представляет собой дискурс веры, то в этом контексте разуму отводилась чаще всего герменевтическая роль. Стандарты верификации в пространстве религиозного дискурса основываются на том, что истинность — это не соответствие действительности, а соответствие сакральному носителю истинности — Откровению, данному Богом и зафиксированному в главном тексте. Следовательно, в пространстве религиозного дискурса определяющим моментом является не денотативное значение высказывания, а экспликация тех значений, которые подразумеваются, но остаются невыраженными. Одна из главных проблем религиозной коммуникации — это проблема аутентичности сакрального текста, т. е. соответствия его богодухновенному источнику (Богу как потустороннему референту). В этом контексте аутентичный (греч. *authentēs* — собственной рукой совершённый) означает подлинный, исходящий от первоисточника. Соответственно, процедура верификации по сути неотъемлема от процедуры интерпретации и носит текстуальный характер отсылки. Сохранение аутентичной информации предполагает следование принципу «*ipse dixit*» (лат. сам сказал).

Особенность фидеистических текстов в том, что содержащимся в них знакам приписываются магические свойства, и в этом смысле религиозный дискурс противостоит межчеловеческому общению: «И я пошел к Ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед» [Откр. 10:10]. Для религиозного дискурса характерна особая *формально-смысловая организованность* семиотического пространства, что достигается за счет особых средств коммуникации — использования паралингвистических средств общения (тембр, темп голоса, интонация, пауза). Поскольку вербальным и невербальным знакам приписывается магическая функция, то происходит отождествление знака и обозначаемого, что приводит в дальнейшем к фетишизации слов или ритуальных формул. Следствием подобной установки является запрет произношения имени Бога: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» [Исх. 20:7 — *СЛ*]; возникновение славословий: «Аллилуйя»; «Осанна»; «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь», а также существование обетов молчания.

Говоря о семиотическом пространстве религиозного дискурса, следует упомянуть о сакральном молчании как разновидности вербальной коммуникации. Молчание — это язык невыразимого, не-

изреченного, язык тайны. В контексте религиозного дискурса «молчание» и «слово» могут рассматриваться как равноценные формы духовного опыта. В христианском богословии высшим уровнем является апофатический способ познания Бога. В основе апофатики — мистический опыт, достоверность которого возрастает соответственно его неизреченности. Тайна Откровения непреводима на обычный язык, поскольку иррациональная тайна Откровения не может быть облечена в рационально-логические схемы.

Язык (слово) как семиотическая система человеческого сознания в пространстве религиозного дискурса, с одной стороны, пробуждает в человеке желание постичь Истину, но с другой — выступает в качестве преграды на пути к ее постижению. Сравнивая язык (вербальное) и иконостас (невербальное), можно увидеть, что иконостас «пробуждает в сознании духовное видение», «напоминает молящимся о своих первообразах» (П. Флоренский), т. е. открывает дверь в мир духовный, таинственный, но одновременно иконостас скрывает алтарь — место таинственного и символического присутствия Бога.

Сакральное молчание — возможность соответствовать инобытию, которое невыразимо настолько, что попытка использовать вербальные средства коммуникации разрушает целостность самого дискурса. Поэтому молчание является вершиной аскезы. Установка на сакральное молчание в религиозном дискурсе лишает разум привычной опоры на рациональные понятия: «Разум великолепен и желателен до тех пор, пока он не приведет тебя к вратам Господа. Но едва ты достиг этих врат, оставь разум... отдай себя в руки Господа» [7, с. 30—31]. Откровение воспринимается как озарение, излитие Божественного света, сущностно связанного с непроницаемым мраком. В этом парадокс религиозного дискурса — истина, дарованная в Откровении, трактуется, по выражению Псевдо-Дионисия Ареопагита, как «мрак таинственного безмолвия, превышающий всякий свет». Божественный мрак — это тот недостижимый свет, в котором пребывает истина Божественного Откровения.

Религиозному дискурсу свойственна *дидактичность*. В связи с этим в его семиотическом пространстве функционируют разнообразные ценностные установки, которые воспринимаются верующими как исходящие от Бога. Ценностный идеал в контексте религиозного дискурса выступает в качестве вероучительного и нравственного ориентира для верующего. Семиотическое пространство выстраивает систему ценностей, как правило, в виде дуальной оппозиции: добро / грех, прощение / наказание, духовное / материальное,

возвышенное / низменное и т. д. Базовые модели религиозного дискурса характеризуются своей *устойчивостью* и постоянной *воспроизводимостью*. Эта особенность религиозного дискурса позволяет лучше понять его сущность, предназначение, а также правила функционирования.

Семиотическое пространство религиозного дискурса формируется также невербальными знаками. Одним из главных признаков религиозного дискурса является присущая ему сакрализация, т. е. наделение предметов, явлений, людей священным содержанием. В дальнейшем происходит их символизация. Сфера сакрального приобретает особую окраску, что в конечном итоге придает мистический смысл всему, что соприкасается с ней. Эта мистическая составляющая формирует сложную систему невербальных знаков, характерных для семиотического пространства религиозного дискурса. Например, составными частями семиосферы религиозного дискурса выступают церковное убранство, облачение священнослужителей, детали их одежды и даже их цвет.

К невербальным знакам религиозного дискурса можно отнести звуковое сопровождение богослужения (церковное пение, колокольный звон, звуки органа, особую манеру чтения молитв, текста Священного Писания). Невербальные знаки религиозного дискурса ориентированы на богатство восприятия верующего: зрение, слух и даже вкус, обоняние. Например, особое состояние верующего достигается за счет ощущения запаха горящих свечей, запаха ладана. Ладан — символ очищения, молитвы, поднимающейся к Небесам и возносящей чаяния, просьбы и благодарности человека. Вкусовые ощущения верующих в храме связаны с пробованием просфоры и красного вина во время таинства причастия, в контексте которого 'хлеб' и 'вино' символизируют 'тело' и 'кровь' Христа. Благодаря таинству причастия верующий становится частью Церкви, в мистическом смысле воплощающей собой 'тело' Христа [Мф. 26:26-28; Лк. 22:19-20 — *СП*].

Таким образом, семиотическое пространство формирует религиозный тип дискурса, который возникает как особый вид коммуникации, насыщенный сложными конвенциональными знаками — образами и символами. Как писал Р. Белла, «религия не является всего лишь средством совладать с тоской и отчаянием. Она представляет собой символическую модель, формирующую человеческий опыт — как познавательный, так и эмоциональный» [8, с. 274]. В пространстве религиозного дискурса можно выделить знаки-иконы, знаки-символы, знаки-индексы. Наибольшее значение в семиосфере имеют знаки-иконы, сре-

ди которых приоритет за иконописными изображениями Святой Троицы, Господа Иисуса Христа, Богоматери. Византийская теория иконы строится на утверждении Псевдо-Дионисия Ареопагита, что «вещи явленные суть воистину иконы вещей незримых», т. е. икона — это символ незримого («отблеск неземного бытия»). Уже к концу I тыс. н. э. иконография выработала свой собственный символический язык, т. е. сформировала особое пространство религиозного дискурса. Религиозный человек выделяет несколько уровней бытия иконы: дидактический, символический, сакрально-мистический, литургический, эстетический. Иконописный образ — это знак, имеющий внешнее воплощение (формальное) и имманентно присущее ему содержание. Например, схема иконографии Богородицы предполагает наличие основных образов Богородицы — Оранта (Молящаяся; от лат. *orans* — молящийся), Елеуса (Умиление; от греч. *ἐλεος* — сострадание, милость), Одигитрия (Путеводительница; от греч. *Ὀδηγήτρια* — указующая путь), Панахранта (Всепорочная, Пречистая; от греч. *Πανάχραντα*) и др. Соответствующая иконография имеет не только различное внешнее воплощение, но и особый (тайный) смысл, понятный участникам религиозного дискурса.

Аналогичное значение для семиосферы религиозного дискурса имеют скульптурные изображения, витражи. Готические соборы воплощают один из аспектов учения о мистическом теле Церкви или теле человека, освобожденном от грехов, — а именно его преображение светом Благодати. Свет, преломленный цветными стеклами, более не отражает грубый материальный мир, это свет надежды и блаженства. Архитектура храма символизирует собой Христа как Бога, проявленного на земле. Некоторые средневековые богословы сравнивают план собора с фигурой распятого Христа.

Отличительной чертой религиозного дискурса является то, что внутри него можно выделять подтипы — православный дискурс, католический и т. д. Семиотическое пространство дискурса указывает на его конфессиональную специфику. Например, православный крест отличается от католического. Особенности архитектуры культовых построек, убранство интерьера, используемый в богослужении язык, церковный календарь и многое другое помогают безошибочно определить конфессиональную разновидность религиозного дискурса.

В религиозном дискурсе также функционируют многочисленные и наиболее абстрактные по сравнению со знаками, про которые говорилось выше, — знаки-индексы как носители важной в данном континууме информации, смыслов.

К этой группе могут быть отнесены уже упоминавшиеся детали одежды священнослужителей. В пространстве религиозного дискурса один предмет может выступать одновременно в качестве знака-индекса и знака-символа. Ношение митры, как правило, принадлежит исключительно епископам (знак-индекс). В то же время митра имеет и символическое значение: она украшает священнослужителя, поскольку он во время богослужения изображает Царя Христа, и одновременно напоминает о терновом венце, которым был коронован Спаситель. К знакам-артефактам можно отнести отдельные предметы в храме, объекты религиозного культа, а также части самого храма.

Таким образом, религиозный дискурс создается в том или ином смысловом поле, в континууме которого он призван передавать определенные смыслы, фундирующие коммуникативное действие. Внутри фрагментов дискурса наблюдается единство, которое создается благодаря формированию когнитивно-дискурсивной парадигмы, рассматриваемой как вмещательное значений, смыслов, ценностей, отражающих определенный опыт человека, контекст его применения. Таким образом, семиотическое пространство задает определенный тип дискурса, в континууме которого ведущую роль играют базовые концепты, что позволяет говорить о концептосфере религиозного дискурса, структурированного на формальном и смысловом уровнях. Каждый из концептов формирует свое микрополе, включающее иные концепты, что поддерживает единство семиотического пространства религиозного дискурса, а также возможность адекватной интерпретации участниками коммуникативного действия ситуации общения.

Религиозный дискурс не является замкнутым пространством. Современное общество является в основном секулярным, однако религия по-прежнему занимает значительное место в социуме. Если ранее религия была объединяющей силой в обществе, то сейчас она превратилась в одну из сфер общественной жизни. В то же время рели-

гия не изолирована, а религиозный дискурс проникает в иные дискурсивные практики, взаимодействует с ними.

Религиозные практики в настоящее время не воспринимаются как угроза прогрессу. В то же время обнаружилось множество проблем, с возникновением которых сопряжено существование секулярного общества. Следствием этого явилось «религиозное возрождение», связанное с расширением пространства религиозного дискурса. Намечившаяся тенденция возвращения к религиозным установкам, ценностям, смыслам, традициям связана с поиском стабильности, психологической устойчивости в условиях ломки традиционных укладов жизни, утраты смысловых ориентиров, возникшим на этой основе ценностным конфликтом. В этой ситуации религиозный дискурс, обладающий устойчивой системой ценностей, которая остается неизменной на протяжении многих столетий и тысячелетий, выступает в качестве основы, поддерживающей социальные связи, целостность общества.

Список цитированных источников

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск, 2000.
2. Усманова, А. Р. Дискурсия, дискурс / А. Р. Усманова // Постмодернизм: энцикл. — Минск, 2001.
3. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. — М., 1995.
4. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. — М., 1999.
5. Аверинцев, С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Противостояние и встреча двух творческих принципов / С. С. Аверинцев // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. — М., 1971 — С. 206—251.
6. Забияко, А. П. Сакральный текст / А. П. Забияко // Религиоведение: энцикл. слов. — М., 2006.
7. Джамниа, М. А. Под суфийским плащом / М. А. Джамниа, М. Байят. — М., 2002.
8. Белла, Р. Н. Социология религии / Р. Н. Белла // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. — М., 1972. — С. 265—281.

Дата поступления в редакцию: 05.09.2015 г.